

Романтика юных сердец

Гастроли Свердловского
ТЮЗ'а

Снова и снова открывается тяжелый театральный занавес, а аплодисменты не умолкают. Зрительный зал кажется единым в своем порыве. Впрочем, опытный и наблюдательный актер и сейчас, когда не слышно слов, а есть только море рукоплесканий, — даже в эти минуты, глядя со сцены, может почти безошибочно отличить восторженно-го зрителя от скептического, удовлетворенного от недовольного. Стихают аплодисменты, и можно послушать, о чем говорят зрители. Суждения разные. Очень многим — определенно большинству — спектакль понравился. Но не всем и не в одинаковой степени.

— Вряд ли в жизни найдешь учительницу, поступающую так антипедагогично. А ведь она в институте пять лет училась, бывала на практике...

— Как вам нравятся директор, посвящающий в свою интимную жизнь учащихся школы?

— А декорация? Если комната, то почему же лишь одна стена? Что это за стиль: реализм? символизм?

Да, кстати, декорация.

Лет пять назад, когда еще не было ни этого театрального здания с колоннами, ни Театральной площади, на стене одного из городских клубов появилась афиша: «Водевиль «Где эта улица?.. Где этот дом?..» Спектакль Нижне-Тагильского драматического театра». Зрители, заполнившие клубный зал во время премьеры, от души смеялись, по достоинству оценив остроумное оформление спектакля. Вероятно, многие помнят декорацию, изображающую сумерки над городом: синее небо, звезды и луну, спокойно повисшую в зените и... читающую газету «Вечерняя Москва». Символизм в оформлении? Конечно ж, пусть будет так. Дело в том, что луна, читающая «Вечерку», это не просто символическое изображение истинной, всем известной луны, но и ключик — один из многих — к пониманию спектакля. Например, бюрократ в водевиле наделен вполне реальными чертами. Но вот в каком-то месте гротеск, вносимый в образ драматургом, постановщиком и актером, достигает такой силы, что на сцене возникает не просто бюрократ, а в известном смысле символ бюрократизма вообще. И так многое в этом спектакле.

Режиссер В. Мотыль, осуществляя по-

становку «Я тебя найду», имел все основания опираться на опыт своей работы на сцене Нижне-Тагильского драматического театра. Как луна с «Вечеркой» служила ключом к пониманию действия, так и комната с единственной стеной и почти без мебели помогают зрителю выскочить в характер, в художественную специфику произведения.

Комната с одной стеной, — символическая комната, а действие в ней происходит самое реальное, «земное». Десятиклассники играют в волейбол, спорят и даже дерутся, и вдруг начинают декламировать точно срифмованными поэтическими строками. Допустим, нет в жизни учительницы, которая так откровенно калечила бы сознание юношей и девушек, и нет директора школы, который обсуждал бы с учениками вопросы своей женитьбы. Зал все равно рукоплещет гневному монологу Каштанова, видя в столкновении директора с Рукавишниковой не просто объяснение двух людей, а победу человеческого ума, душевного богатства над непролазной тупостью и черствостью.

Вот это органическое единство прозы и поэзии, реалистического и символического, что и составляет специфику пьесы Е. Успенской и Л. Ошанина, верно подметил и перенес на сцену В. Мотыль. Спектакль не легкий для режиссера. Предстояло сохранить единство стиля в разнохарактерных по драматическому материалу картинах и вставных эпизодах, которых в пьесе нема-

ло. И отрадно отметить, что кропотливая и одновременно с тем смелая работа режиссера увенчалась успехом, что исполнители правильно поняли замысел постановщика, с душой и талантливо воплотили его в яркие образы. Некоторые сцены, как, например, смерть Семерова, проведены совершенно безукоризненно. А в целом можно с полным основанием говорить об ансамблевом спектакле.

Наиболее трудная задача возложена на плечи исполнителей ролей Глеба и Кати. В. Кадочникову и И. Швецову приходится то и дело переходить с обыденной прозы на звонкий язык поэзии. При этом им удалось избежать главной опасности: раздвоения образа. В Глебе — сидит ли он у изголовья больного отца или совсем мальчишески в знак протеста срывает урок — зритель неизменно видит юношу с душой и помыслами чистыми и прекрасными. И никто не удивляется, когда свои мысли Глеб начинает выражать в стихотворной форме, поэзия — органическая частица этого характера. То же самое можно сказать и о Кате в исполнении И. Швецовой.

Интересную работу показала в спектакле актриса Л. Скутина. Ее Рукавишниковая — человек крайне ограниченный, более того — это натура двурушническая. Но она может казаться иной. И это отлично доказывает Л. Скутина в сцене первой встречи ее героини с Каштановым. Но вот учительница роняет одну фразу: «Так это же на со-

брани» — и маска слетает с нее. И уже перед нами не просто дурной педагог, а человек, который разграничивает свои мысли, поведение на периоды во время собрания и между ними; образ вырастает до символического обобщения лицемерия, глупости, душевной пустоты.

Высоким творческим уровнем отличается игра артистов П. Огородникова (Семеров), И. Белозерова (Каштанов), В. Балашова (Петя), актрисы Р. Манихиной (Зина).

Артист П. Федосеев слишком снисходителен по отношению к Виктору Бутягину. Авторы пьесы не пошли по пути декларативного развенчания начинающего приспособленца. Тем не менее актеру предоставлялась возможность с большой беспощадностью показать, какую угрозу таят в себе люди типа Бутягина, с юных лет укрепляющиеся в мысли, что подхалимаж — вернейшее средство для достижения жизненных благ. П. Федосеев стремится вызвать в зале, веселый смех, а не главное и беспощадное осуждение.

О декорациях художника Т. Меньшикова уже говорилось. Они лаконичны, скупы в деталях, но выразительны и отвечают общему стилю спектакля.

Впечатление усиливает отличная музыка композитора К. Кацман.

Итак, спектакль — бесспорная удача Свердловского театра юного зрителя. Но откуда же тогда те вопросы, что приведены в начале статьи? Значит, авторский замысел и режиссерское решение удовлетворит не всех?

Что ответить на это? Можно повторить, что подавляющее большинство тагильчан высоко оценило эту работу театра.

И еще. Спектакль «Я тебя найду», весь напоенный романтикой юных сердец, прежде всего и рассчитан на юного зрителя. И не случайно именно молодежь так горячо принимает его. Но эту постановку с большим волнением и сочувствием смотрят люди всех возрастов, не исключая и самых седоволосых ветеранов. Разумеется, если у них, выражаясь языком одного из героев спектакля, не сухие еловые шишки вместо души.

В. ЧУВАНОВ.

«ТАГИЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»

г. Тагил

15 АВГ 1959